

Чжун Цяньцянь,
*соискатель ученой степени кандидата наук
учреждения образования
«Белорусский государственный университет
культуры и искусств».*

Научный руководитель – **В. Р. Языкович,**
*кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
учреждения образования
«Белорусский государственный университет
культуры и искусств»*

ПОНИМАНИЕ КУЛЬТУРЫ В ТРАДИЦИОННЫХ УЧЕНИЯХ КИТАЯ

На протяжении более двух тысяч лет конфуцианство и даосизм играют ключевую роль в становлении и развитии культуры Китая. По мнению Фридриха Макса Мюллера, «Китай является родиной двух религий, каждая из которых основывается на Священном Писании, – религии Конфуция, содержащейся в пятикнижии “У-цзин” и четверокнижии “Сы-шу”, и религии Лао-цзы, имеющей священную книгу “Дао дэ цзин”» [3]. В связи с этим изучение идей конфуцианства и даосизма является необходимым шагом для понимания китайской культуры.

Бенджамин Шварц отметил, что чрезмерное внимание к эпохе ранней цивилизации часто подвергается критике, потому что в течение периода от «осевого времени» до эпохи современного Китая в различных областях исторического развития страны произошли серьезные изменения. Но эти изменения в жизни общества следует рассматривать в едином цивилизационном контексте, так как для исторического развития Китая не характерны качественные разрывы, свойственные западной модели социокультурной динамики [7].

Для изучения конфуцианства и даосизма особенно важно иметь представление об их истоках. Изучение тенденций культурного развития эпохи династий Ся, Шан и Чжоу, предшествующих возникновению конфуцианства, показывает, что содержание раннеконфуцианского учения имеет неразрывную связь с культурой династии Западная Чжоу. «Без Чжоу-гуна не было бы цивилизации с ее ритуалами и музыкой, передаю-

щимися из поколения в поколение, без Чжоу-гуна не было бы истории происхождения конфуцианства» [8]. В то же время культура династии Западная Чжоу является продуктом длительной эволюции в течение ряда исторических периодов. Она преодолела культуру ведовства и жертвоприношений и превратилась в культуру ритуалов и музыки, прошла путь от первобытной к цивилизованной религии, в дальнейшем развившейся в этическую религию, и сформировала основу раннего конфуцианства.

В отличие от конфуцианства, даосизм имеет тесную связь с древней мифологией, что можно увидеть в трактатах «Дао дэ цзин» и «Чжуан-цзы», которые являются ключевыми для понимания его сути. Одним из центральных понятий даосизма является хаос («хуньдунь»), играющий определяющую роль в даосском мировоззрении [4, с. 5]. По мнению Е Шусянь, «вся идеологическая система Лао-цзы является теоретической абстракцией, основанной на мифе о сотворении мира из хаоса» [1]. Хаос как универсальный архетипический мотив воплощает представление об изначальном состоянии Вселенной, предшествующем всякому рождению. Чжао Юшэн считает, что «Лао-цзы использовал символ “сокровенной женственности” для обозначения дао и его силы создания жизни, называя его “матерью всего сущего”, и выдвинул ряд методологий о “кормящей матери” и “сохранении женственности”, которые, несомненно, заключают в себе историческое содержание первобытного репродуктивного культа богини-матери и мифа о сотворении мира богиней» [5]. В даосском учении был унаследован культурный архетип матриархального общества, в котором возвышались такие качества, как мягкость, женственность и «недеяние», а также стремление к гармонии и целостности.

В концепции «осевого времени» Карла Ясперса все основные цивилизации возникли в определенный период [9]. Важнейшими учениями, появившимися в период «осевого времени», в контексте китайской цивилизации стали конфуцианство и даосизм, акцентирующие внимание на добродетели, морали и системе нравственных ценностей.

«Дао» – высшая категория китайской философии доциньской эпохи, которая сыграла ключевую роль и в конфуцианском, и в даосском учении. В обоих учениях дао трактуется как

основа и цель, утверждается существование Великого Дао. В конфуцианской и даосской традициях границы дао очерчиваются как бесконечность и трансцендентность, а также подчеркиваются ограниченные возможности их описания. Вместе с тем в даосском учении внимание фокусируется на прямом восприятии самого дао. В учении конфуцианства о нем редко идет речь. Следует обратить внимание, что несмотря на то, что идеалом и целью в обоих учениях является его достижение, существуют огромные различия в способах. Конфуцианство делает упор на достижение дао через «поступки», а даосизм – на его достижение через «потери». Достигший дао в «Чжуан-цзы» – это тот, кто преодолел все различия в мире и стал абсолютно свободным. В учении конфуцианства уделяется больше внимания коллективу, семье, стране и миру, поэтому трактовка дао в большей степени происходит в контексте реальной политики.

С точки зрения конфуцианства и даосизма дао проявляется в мире как «добродетель», являясь ее источником. Большие расхождения имеются в способах определения и понимания воплощения добродетели. В конфуцианстве она определяется как стандарт, на который люди должны полагаться и в соответствии с которым вести себя, это критерий для исправления собственного поведения. Добродетель с точки зрения конфуцианской этики в большей степени выражается в гуманности, справедливости, благопристойности, добром намерении, мягкости обращения с людьми, надежности и мудрости. Добродетель даосизма – это вид действия, предполагающий решение всего в жизни с позиции мягкости и уступчивости при одновременном следовании дао. Даосская добродетель проявляется в бездействии, доброте, бережливости, отсутствии борьбы, запрете быть впереди других.

В конфуцианской мысли «осевого времени» важнейшим принципом морали было человеколюбие [6]. С точки зрения конфуцианства истинно доброжелательный человек – это тот, кто превыше мирской любви и ненависти, моральных суждений и относится к людям и вещам в мире с одинаково любящим сердцем. Постулат «широко любить всех, но близко сходиться – с гуманными» ориентирует человека на пренебрежение мирской славой и преодоление жажды личной выгоды. Конфуцианская этика основана на любви ко всему сущему и

использует ее для создания общественной ситуации, когда все члены социума добры и любят друг друга. Конфуцианство всегда ставит гуманность на первое место в системе моральных ценностей. Некоторые ученые считают, что это является сознательным преобразованием кровного родства и родовой демократии, а также проявлением преемственности китайской цивилизации [2].

В даосизме считается, что, только вернувшись в границы дао, можно стать гуманным. Принцип человеколюбия не является ядром даосизма, а, напротив, рассматривается как ограничение, за рамки которого необходимо выйти, препятствие на пути к достижению дао, оковы для естественной природы человека. Поэтому необходимо преодолеть мирскую гуманность, чтобы стать истинно гуманным. Таким образом, в даосском учении проявляет иное, по сравнению с конфуцианством, представление о пути достижения человеколюбия.

В отличие от принципа человеколюбия, идея справедливости не имела существенного значения в период Весен и Осеней. В период Сражающихся царств Мэн-цзы объединил идеи о справедливости и человеколюбии, способствуя их превращению в отстаиваемую конфуцианством нравственную ценность. В учении конфуцианства справедливость трактуется как врожденная добродетель и результат распространения присущего человеческой природе чувства стыда за плохие дела. Практика справедливости продиктована не только внутренней природой человека, но и требованиями «Пути Неба».

В даосском учении говорится о справедливости как соответствии принципам природы. При этом указывается, что справедливость является категорией низшей добродетели, отклоняющейся от дао: действие в соответствии с принципом справедливости основано на нарушении границы «недеяния», поэтому даосизм выступает против следования принципу справедливости.

Китай известен как страна церемоний, а ритуал затрагивает все аспекты жизни и имеет высокий статус в национальной культуре и философии. Ритуал находится в центре внимания как конфуцианского, так и даосского учения, которые видят в нем воплощение человеколюбия, верности и других добродетелей. Но если даосское учение исходит из того, что люди совершают ритуалы, следуя своей внутренней природе, а их

действия – это «правила этикета», то конфуцианство утверждает значение внешних ограничений, так как человек не обладает качествами повиновения природе и в процессе совершения ритуалов у него появляется способ возвращения к ней. В то же время и в конфуцианском, и в даосском учении внимание обращалось на ограниченность «ритуалов» и на последствия того, что ритуалы постепенно превращаются во внешние ограничения, а также на возникавшее лицемерие.

Даосизм видел недостатки совершения церемоний в нехватке верности и доверия и неблагоприятных последствий управления страной с помощью ритуальных ограничений. Поэтому в даосском учении провозглашается непосредственное возвращение к природе в соответствии с нормами Великого Дао, выход за рамки ритуала и достижение границ царства отрешенности. В учении конфуцианства подчеркивается идея «сдерживания ритуалом» и установка на ритуальные ограничения для возвращения в рамки дао, переход от внешних норм к внутреннему самосознанию для завершения внутренней трансформации личности.

В целом можно сделать вывод о схожести истоков возникновения и конечной цели конфуцианской и даосской мысли, проистекающих из неудовлетворенности реальностью и направленных на возвращение к Великому Дао. Вместе с тем конфуцианское и даосское учения имеют разную направленность и используют разные средства, что приводит к различному восприятию и пониманию. Данные различия обусловили культурную взаимодополняемость конфуцианства и даосизма, благодаря которой сформировалась уникальность китайской культуры, способствующая ее непрерывному развитию.

---

1. *Е Шусянь*. Лао-цзы и мифология / Е Шусянь. – Сиань, 2005. – С. 71. – На кит. яз.: 叶舒宪.老子与神话.西安: 陕西人民出版社, 2005年版, 第71页.

2. *Ли Цзэхоу*. Взгляд на «Трактат об истории древнекитайской мысли» / Ли Цзэхоу. – Пекин, 1985. – С. 22–25. – На кит. яз.: 李泽厚.中国古代思想史论.北京: 人民出版社, 1985年, 第22–25页.

3. *Мюллер, Фридрих Макс*. Введение в науку о религии / Фридрих Макс Мюллер; пер. Чэнь Гуаньшэна [и др.]. – Шанхай, 1989. – С. 41. – На кит. яз.: 麦克斯·缪勒.宗教学导论.陈观胜等译.上海: 上海人民出版社, 1989, 第41页.

4. *Торчинов, Е. А.* Даосизм: опыт историко-религиозного описания / Е. А. Торчинов. – СПб. : Лань, 1998. – 448 с.

5. *Чжао Юшэн.* Жизнь и смерть, удовольствие и свобода – связь между конфуцианскими и даосскими жизненными идеалами / Чжао Юшэн, Лю Минхуа, Чжан Ливэй. – Пекин, 1988. – С. 1–2. – На кит. яз.: 赵有声、刘明华、张立伟.生死·享乐·自由—道家和道教的关系及人生理想.北京 : 国际文化出版社, 1988年版, 第1–2页.

6. *Чэнь Лай.* Основные ценности цивилизации: эволюция китайского классического образования и традиционные ценности / Чэнь Лай. – Пекин : Книжный магазин «Саньлань», 2015. – 235 с. – На кит. яз.: 陈来.文明的核心价值 : 国学流变与传统价值观. 北京 : 生活·读书·新知三联书店, 2015, 第235页.

7. *Ши Хуацзи.* Введение в «Мир мысли в Древнем Китае» / Ши Хуацзи. – Нанкин, 2004. – С. 2. – На кит. яз.: 史华慈.古代中国的思想世界导言.南京 : 江苏人民出版社, 2004年, 第2页.

8. *Ян Сянкуй.* Система общественного устройства в эпоху династии Чжоу и цивилизация ритуалов и музыки / Ян Сянкуй. – Пекин, 1992. – С. 136. – На кит. яз.: 杨向奎.宗周制度与礼乐文明.北京 : 人民出版社, 1992年, 第136页.

9. *Ясперс, К.* Смысл и назначение истории : пер. с нем. / К. Ясперс. – Пекин, 1989. – С. 8. – На кит. яз.: 雅斯贝斯.历史的起源与目标.北京 : 华夏出版社, 1989, 第8页.

Чэн Сюйжун, соискатель
ученой степени кандидата наук
учреждения образования
«Белорусский государственный университет
культуры и искусств».

Ю. П. Бондарь,
кандидат политических наук, доцент,
ректор государственного учреждения образования
«Республиканский институт высшей школы»

НЕФОРМАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КИТАЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Неформальное искусство представляет собой относительно размытое представление. Говоря простым языком, это не признанное официальной идеологией и функционирующее за пределами государственной системы искусство. Произведения неформального искусства главным образом передают индивидуальные творческие эмоции автора и, за исключением